

УДК 17.023:316.334.55(470+571)“.../1915”

DOI: 10.32340/2414-9101-2020-4-7-12

Т. А. Артамонова, кандидат философских наук, доцент
Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)
art-katun@mail.ru

**«КОЛЛЕКТИВНАЯ СОВЕСТЬ»
КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В КРЕСТЬЯНСКОМ МИРЕ**

Аннотация. Рассмотрено содержание понятия «*крестьянский мир*», используемого в отечественной научной литературе для генерализированного обозначения традиционной для исторической России самоуправляемой сельской общины со специфичным культурно-бытовым и хозяйственным укладом. Обширное смысловое поле понятия включает в себя семантический ряд, отражающий ключевые представления русского земледельца-общинника о нравственном идеале, охарактеризованные автором статьи как «*коллективная совесть*». Крестьянское сообщество собственными силами поддерживало нравственную дисциплину и социальный порядок внутри производственно-бытового коллектива, определяя индивидуальные моральные установки его членов. По авторскому замечанию, нравственные устои крестьянской общины являются примером групповой морали, где трудолюбие – главная ценность.

Ключевые слова: *крестьянский мир, мир, русская крестьянская община, нравственные принципы русского крестьянства, групповая крестьянская мораль, кризис крестьянской общины, нравственные ценности русского крестьянства, трудолюбие.*

Сегодня все актуальнее звучит вопрос о сохранении и возрождении духовно-нравственных ценностей традиционной культуры народов Евразии, к которым можно отнести и общинный миропорядок. Община в России являлась наиболее органичной и традиционной формы жизни народа и обеспечивала преемственность нравственных устоев. В течение многих веков общинные отношения развивались в среде крестьянства, казачества, в трудовых артелях, а также в церковно-религиозных сообществах. Особо следует остановиться на крестьянской земледельческой общине, как самой распространенной форме.

Выражение «крестьянская община» появилось в работах исследователей намного позже, чем само явление. Среди крестьян было распространено понятие «мир». Крестьянский «мир» – это проявление особого социального, хозяйственно-экономического и культурно-нравственного уклада. Феномен крестьянского мира заключается в том, что он представляет некое социо-природное образование: связанность крестьянского труда с природными ритмами, особый жизненный уклад, вписанный в природные реалии, породили своеобразный «крестьянский Космос», со своим порядком и системными взаимосвязями, где целое всегда больше суммы частей. Вследствие этого нравственные традиции крестьянского мира определялись принципом соборности, по выражению отечественных философов. У крестьян выработалась особая форма групповой морали, которую можно образно обозначить как «коллективная совесть». Её проявление поддерживало социальный порядок, опираясь на религиозные и природоцентристские нравственные установки.

Некоторые исследователи считают, что био-социальная, духовная энергия проявляется в многообразных формах, в том числе и коллективных, к которым мы можем отнести общину [1]. Крестьянский «мир» объединял людей не только по сословному принципу, но формировал полноправную целостность в огромном пространстве человеческого и природного мира. И не случайно в слове «мир» изначально заключены два значения: гармоничное сосуществование и отсутствие вражды в обществе и единая Вселенная [2, с. 18]. По праву эту реальность можно обозначить как «крестьянский Космос», порядок которого регулировался сельским сходом. Решение схода – приговор – обладал статусом закона, за нарушение которого неминуемо следовало наказание. Приговор признавался крестьянами выше, чем государственные законы.

Крестьянский «мир» воспринимался русским человеком не только как источник правовых, но и моральных законов. «Мир» уподоблялся главенствующей моральной силе, опирающейся на христианские заповеди и традиционное понятие нравственности. В этих устоях сливались социальные и религиозные истоки морали, и органическая связь крестьянского мира с природными реалиями делала эту форму объединенной морали природосообразной. В данном контексте природосообразность следует понимать шире, чем экологичность: во-первых, как вписанность в природные ритмы, и, во-вторых, как метафизическую сопричастность внутренней жизни природы, порождавшей языческий страх или ликование перед ее скрытыми силами. Глубже всего это прочувствовал и выразил П. Флоренский в своей работе «Общечеловеческие корни идеализма»: «... с природою крестьянин живет *одною* жизнью, как сын с матерью, и эти отношения его к природе то любовны, нежны и проникновенны, то – исполнены странной жути, смятенья и ужаса, порою же властны и своевольны» [3, с. 181]. Отношение человека к природе – индикатор выбранного им способа восприятия мира. Поэтому крестьянский мир служил залогом как духовного, так физического выживания русского земледельца.

Крупнейший исследователь общинного уклада, профессор Л. Б. Алаева считает, что община для русского крестьянина в качестве локальной группы общения была порой единственным полем морально-правового и культурного контакта [4, с. 18]. Поэтому крестьянин старался «жить с миром совместно», решать вопросы общего хозяйственного и бытового уклада с «мирского ведома». Принятие исследовательской гипотезы о наличии «коллективной совести» позволяет сделать вывод о том, что в крестьянском сообществе *не отдельный человек, а именно сообщество было гарантом реализации морально-правовых принципов*. Все вопросы общинного мироустройства решал мир, и сам крестьянин не брал на себя право и ответственность устанавливая нормы, подчиняясь коллективному мнению и традиционному праву [5]. При решении социальных и межличностных коллизий «коллективная совесть» наполнялась практическим опытом, переходя из номинального состояния в феноменальное. В то же время в ней отражались черты архаической морали, основу которой составляла дихотомия «свои – чужие». Так, мелкое воровство барского имущества не рассматривалось как правонарушение, но жестко пресекалось и наказывалось по отношению к имуществу общинников. Крестьянин разрешал себе нарвать фруктов или, например, срубить дерево на дрова в помещичьем лесу, но общинные лесные деляны строго охранялись общественным уставом. Сталкиваясь с такими примерами, многие народники, верившие в силу глубокой нравственности крестьянства, терялись в противоречивых оценках. «С глухими местами у нас вообще связано представление об элементарных, простейших добродетелях. Я сначала думал то же, видя, например, как хозяева оставляют избы без запоров. Значит, думал я, хоть кражи-то здесь неизвестны. Но и в этом я ошибся. ... Вообще на прочность этой первобытной нравственности рассчитывать нельзя. Это какое-то странное состояние неустойчивого нравственного равновесия, могущее качнуться в любую сторону», – писал В. Г. Короленко, разделявший в молодости народнические идеи, но позднее критически оценив свои представления о безупречной нравственности простого народа [6, с. 442].

При анализе принципов нравственности общинника, следует учитывать, что она имеет сложный генезис и ее нельзя свести лишь к проявлению архаической морали; на ее формирование оказывали влияние различные факторы.

Во-первых, она являет собой пример одной из форм групповой морали. Как известно, в каждой групповой моральной системе выделяются свои основные добродетели. Для крестьянина первой добродетелью и нравственной нормой было, прежде всего, трудолюбие. Соответственно, то, во что

прямо вложен человеческий труд, является неприкосновенной собственностью. Но если богатство нажито чужими трудами, является, по мироощущению крестьянина, плодом наживы и стяжательства, — оно не обладает статусом неприкосновенности. Поэтому в крестьянской среде при оценке имущественных преступлений нормы обычного права и положения официального закона сильно расходились.

Многие исследователи традиционного крестьянского уклада отмечали, что русский крестьянин не признавал права безоговорочной собственности на землю и другие природные ресурсы: они даны Богом, причем, всем людям. Соответственно, только вложенный в преобразование природы труд дает право собственности на плоды этого труда. Так, О. А. Платонов в работе «Русский труд» пишет: «Земля – Божья, считал крестьянин, и принадлежать она должна тому, кто её обрабатывает. Это основа трудового мировоззрения крестьянина, вокруг которого формировались все его другие воззрения» [7, с. 96–97]. Этой же точки зрения придерживается и С. Г. Кара-Мурза, отмечая, что право на землю в сознании крестьян тесно связано с правом на труд, поэтому во время крестьянских бунтов не было поджогов, захватов и разорения тех помещиков, которые сами вели свое хозяйство и работали на земле [8, с. 164]. Как пример, можно привести и воспоминания М. М. Пришвина, который в своих дневниках отразил своеобразное уважительное отношение крестьян к таким помещиками. Сам писатель, выступая в роли «работающего» помещика, не имел столкновения с крестьянами вплоть до 1917 г.

Во-вторых, следует также учесть соотношение индивидуальной и коллективной систем моральных ценностей, которые, как известно, находятся в противоречивом единстве. Постоянное нарушение в крестьянской среде общепринятых в обществе моральных устоев, которое В. Г. Короленко охарактеризовал как «неустойчивость нравственного равновесия», было обусловлено невыработанностью строгих нравственных принципов у отдельного крестьянина. основополагающая функция «коллективной совести» как раз и заключалась в том, чтобы упорядочить и укрепить принципы поведения отдельного представителя крестьянского мира. Исследователи отмечают, что «несмотря на всю тяжесть формальных санкций, неформальный контроль играл все же более важную роль. Общественное мнение оказывало сильное и постоянное давление на крестьян, сводя на нет отклонения от принятых норм поведения» [6, с. 443].

Третий фактор связан с расколом культурной жизни в России, а, следовательно, и системы ценностей. Помещики, чиновники, полиция — все, кого в народе относили к «господам», были для крестьян представителями другой культуры, на которых не распространялось традиционное (общинное) право. Самое трагичное, что и лучшие просветительские порывы тех представителей интеллигенции, которые «шли в народ», также воспринимались народным сознанием как внешнее инородное влияние. Вот как пишет об этом Семенов-Тянь-Шанский: «Как ни близко знал я своих земляков-крепостных рязанских крестьян, как ни доверчиво они относились к своему ... барину, но все-таки в беседах об их быте и мировоззрениях, в заявлениях об их нуждах было что-то недоговоренное и несвободное, и всегда ощущался предел их искренности...» [6, с. 155]. Красноречиво и с болью в сердце написал И. Бунин в «Окаянных днях» о той пропасти, которая пролегла между народом и «высшим обществом», много рассуждавшем о народе и порой жалеющим его, но, по сути, жившим своей праздной жизнью. О. Платонов, анализируя эту ситуацию, делает вывод, что различия в культурной ориентации разных слоев российского социума, а именно образованного общества и крестьянства, препятствовало их взаимопониманию и мировоззренческому диалогу [7, с. 158].

Община, используя все свои полномочия и устои «коллективной совести», пыталась предохранить крестьянина от тяжелой моральной деградации. По общинному закону спившийся общинник не мог продать или заложить свой участок земли: она переходила детям, спасая тем самым их от неминуемого голода и разорения. Из всех категорий крестьян только черносошные (казенные крестьяне) могли продать землю или отдать ее в залог. В 1906 году был принят закон, по которому все крестьяне получили право частной собственности на участок общинной земли и могли распоряжаться им по своему усмотрению. При этом продажа земли осуществлялась только в пределах общины.

Социальная защита своих членов воспринималась общиной как основополагающая задача. Поддержка одиноких вдов, инвалидов и стариков считалась традиционной обязанностью общинников. Одной из форм проявления общинной морали была опека над сиротами. Распространенной практи-

кой было проживание сирот у своих родственников, но зачастую, если родственники не в состоянии были прокормить сирот, их на содержание принимали другие члены общины. В некоторых случаях сельский сход назначал опекунов, контроль над которыми осуществлял староста. Малоимущие категории населения не платили повинностей или платили частично; основную фискальную нагрузку община брала на себя. Исследователи отмечают, что для бедняков выделяли запасные участки земли, с которых не брался налог. О. А. Платонов приводит различные примеры социальной взаимопомощи в сельских общинах. «Обработать поле и убрать его у одинокого больного, а также привести лес на постройку мир считает нравственной обязанностью; в тех редких случаях, когда кто-нибудь из однодеревенцев под предлогом недостатка лошадей отказывается участвовать в помощи, мир не приступает ни к каким карательным мерам, но общественное мнение осуждает его, а идти против мира редко кто решается» [7, с. 49–50]. Помогали и тем, у кого случилось несчастье, например, сгорел дом. Сообща заготавливали древесину на постройку и восстанавливали жилища. Формой взаимопомощи являлась толока – родственная и соседская помощь в работах, которые надо было выполнить в сжатые сроки или с привлечением большого количества рабочих рук. С развитием в крестьянской среде товарно-денежных отношений бескорыстная помощь начала заменяться наймом, но традиционные формы крестьянской взаимопомощи, опирающиеся на христианскую мораль, сохранялись долгое время.

Общинники пытались бороться и с такой тяжелой нравственной проблемой общества как алкоголизм: они выступали против открытия в их селах питейных заведений [9]. Община служила крестьянину оплотом для развития социальной и духовной зрелости. Тяга к богатству и наживе, ростовщичество и использование кулаками кабального наемного труда вызывали неприязнь в крестьянской среде. «Коллективная совесть» придавала бедности ореол божьего испытания, пытаясь оградить человека от стяжательских настроений. Поэтому и трудолюбие, как было отмечено выше, ценилось в качестве основных нравственных достоинств личности.

Крестьянский труд всегда опирался на духовно-нравственные ценности, он был их живым практическим воплощением. Не разговоры о чистоте души, а именно повседневный труд, как и ежедневная молитва, были духовной практикой крестьянина. Об этом свидетельствует и памятник русского быта XVI века «Домострой», который рекомендует начинать любой труд с чистыми мыслями и земными поклонами Богу. Поэтому крестьянин и воспринимал свой труд как богоугодное дело. Ответственность и добросовестность в труде считались основными нравственными качествами в крестьянской среде и стали неотъемлемой частью жизненного мироустройства крестьянина.

Крестьянский труд в России преимущественно был общинным. Общинный труд имеет особые ценностно-мотивационные основания, так как община – это проверка на психологическую и нравственную зрелость личности. Эти качества были развиты в представителях крестьянской земледельческой общины в разной степени, но в целом для русского народа действительно явились школой физического и морального выживания и единения. Ценность труда и его высшая форма – коллективный труд – то наследие традиционной крестьянской культуры, которое необходимо сохранять и передавать будущим поколениям.

Кризис общинного мироустройства был связан, прежде всего, с процессом социально-экономического расслоения крестьян. Ситуация усугублялась тем, что после реформы 1861 г. старый механизм социальной защиты, действующий в рамках крепостнической системы, частью которой была крестьянская община, уже не работал, а новые способы защиты крестьянского хозяйства от разорения еще не сформировались. Появление в среде общинников зажиточного слоя крестьян с решающим правом голоса привело к усилению частнокапиталистической морали. Деградация общинных моральных принципов способствовал и усилившийся процесс бюрократизации общины. По мнению ряда исследователей, революции 1905–1917 гг. – это попытка отстоять традиционный общинный уклад перед наступлением капиталистического индустриального общества, это протест российского общества против «раскрестьянивания» и насаждения частнокапиталистической морали [8, с. 82].

Общинные устои и моральные ценности как регулятор социальных и семейных отношений дольше всего проявлялись среди староверов, передаваясь от поколения к поколению. Даже в среде зажиточных староверов-купцов действовали такие нормы деловой жизни, как ссуда денег без оформ-

ления документации: на веру, по совести. Работники в староверческих артелях обладали правом решающего голоса по самым разным производственно-организационным вопросам [10, с. 225].

Претерпев гонения и со временем освоив суровые сибирские пространства, староверы-переселенцы сумели сохранить свои традиционные ценности, включая коллективистские. Для того чтобы выжить в новых хозяйственно-экономических и природно-климатических условиях эта категория русских крестьян строго охраняла нормы религиозной и трудовой этики. Семья и община, выполняя консервативную роль, стали залогом сохранения культурно-религиозной самобытности. Следовательно, феномен «коллективной совести» еще более укрепился, гарантировав на долгие годы стабильность социальной организации в данном локальном сообществе. Как во времена святого Сергия русские крестьяне, уходившие в северо-восточные леса от татаро-монголов, заложили ядро новых социальных и нравственных ценностей, так и староверы, переселившиеся в Сибирь, внесли весомую лепту в формирование нравственных основ характера сибиряков. Такие моральные ценности, как целомудрие, супружеская верность, ответственное и заботливое отношение к семье, сохранение чести и достоинства, скромность, уважение к старшим поддерживалось традициями и народным правом [11]. В крестьянской семье большое значение придавали родительской молитве за своих детей. Без родительского благословения нельзя было свататься, а тем более жениться или выходить замуж. Любой жизненно важный вопрос решался с родительского согласия и немногие были в состоянии ослушаться родителей. Страшным наказанием было родительское проклятие.

Следует отметить, что вышеперечисленные моральные ценности и нормы межличностных отношений имели определенный социально-исторический контекст и порой специфическую форму проявления. Изучение крестьянской повседневной жизни с позиций современных норм морали и психологии позволяет нам более критично оценить нормы того времени. Известно, что в крестьянских семьях была распространена грубость, побои, которые воспринимались как обыденное явление и не считались нарушением нравственности. Глава семьи должен был следовать традиции и соответствовать образу «грозного мужа», а жена и дети должны были подчиняться ему во всем. Свой авторитет мужчина поддерживал широко распространенным рукоприкладством. При этом и соседи, и родственники относились к этому как к чему-то неизбежному в семейной жизни [12, с. 143].

В крестьянской среде был распространен и самосуд. Он часто применялся к конокрадам, так как это преступление считалось наиболее тяжким. Крестьянин не был уверен, что волостной суд накажет виновника, и считал вправе самому наказать вора. Также особой категорией самочинных расправ были преследования на почве суеверия по отношению к колдунам, знахарям, ворожеям. Источником массовых деревенских бедствий – голода, эпидемий, пожаров – зачастую считались сельские колдуны. В народных представлениях убить колдуна не считалось грехом [12, с. 83–85]. В то же время преступник, осужденный официальным государственным судом, зачастую вызывал сочувствие и жалость. Существовавшая в крестьянской среде специфическая оценка преступлений и правонарушений опиралась на традиционное понимание морали, связанное с коллективистским началом.

В традициях народной жизни было уважение к старшим. В общинном мироустройстве это проявилось в том, что признанными, но неформальными лидерами общины считались «старрики» – мужчины в возрасте 60 лет и старше, сохранившие трудоспособность, хозяйственную смекалку, практичность и нравственные устои. Они обладали большим опытом, пользовались репутацией честных, справедливых и знающих людей. «Совет стариков» в качестве неформального объединения составлял наиболее влиятельную группу в крестьянской общине и пользовался решающим правом голоса в спорных вопросах. Старики являлись живым проявлением «коллективной совести» общины. «Высокий престиж стариков объяснялся тем, что общинная жизнь строилась не по науке, не по книгам, а по устной традиции, переходившей от старшего поколения к молодёжи. В такой ситуации самыми компетентными оказывались старики, так как именно они знали обычаи и традиции лучше других и являлись в полном смысле живой, ходячей энциклопедией» [6, с. 444]. В начале XX века именно в Сибири община была не историческим прошлым, а подлинной жизнью и опорой крестьянского социума, сохранившей все ключевые организационно-хозяйственные позиции и духовно-нравственные устои.

Таким образом, анализируя общинные традиции в истории России, следует обращать особое внимание на их роль в формировании нравственных ценностей крестьянства и в поддержании

социального порядка. В сегодняшней сложной ситуации, когда индивидуалистические установки все более расшатывают не только западное, но во многом и российское общество, необходимо новое осмысление этого важнейшего опыта.

Список литературы

1. Аванесова, Г. А. Религиозно-философское понимание духовных энергий в обществе и структуре личности // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 1. – С. 245–267.
2. Иванов, А. В. Крестьянский мир как особый тип хозяйствования и образ жизни / А. В. Иванов, С. М. Журавлёва // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – № 8. – С. 126–129.
3. Флоренский, П. А. Сочинения : [в 4 т.] : Т. 3, кн. 2 / сост. и общ. ред. игум. Андроника (А. С. Трубачёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. – Москва : Мысль, 1999. – 623 с. – (Философское наследие).
4. Алаев, Л. Б. Сельская община: «роман, вставленный в историю» : критический анализ теории общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. – Москва : ЛЕНАНД : URSS, 2016. – 475 с.
5. Артамонова, Т. А. Нравственное значение крестьянского мира в России // Социокультурный потенциал и перспективы развития Русского мира в трансграничном пространстве Центральной Азии : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 27–29 марта 2019 г.). – Барнаул : Изд-во Алт. гос. технического ун-та, 2019. – С. 8–12.
6. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – 3-е изд., испр., доп. – Санкт-Петербург : «Дмитрий Буланин», 2003. – 549 с.
7. Платонов, О. А. Русский труд. – Москва : Современник, 1991. – 335 с.
8. Кара-Мурза, С. Г. Столыпин – отец Русской революции. – Москва : Эксмо, 2003. – 288 с.
9. Затева, В. Г. Нравственные ценности крестьянской общины на Алтае (конец XIX – нач. XX вв. // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем : тез. Междунар. науч. конф. (Горно-Алтайск, 21–22 сент. 1998 г.). – Горно-Алтайск : РИО «Универ-Принт», 1998. – С. 36–38.
10. Пыжиков, А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. – Москва : Концептуал, 2017. – 528 с.
11. Логинова, Н. С. Основы традиционного семейного воспитания уймонских староверов / Н. С. Логинова, О. П. Пономаренко // Ценности человеческого бытия : матер. Всерос. науч.-практ. Конф. (Барнаул, 6–7 окт. 2016 г.). – Барнаул : Алт. гос. пед. ун-т, 2016. – С. 122–125.
12. Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) : моногр. – Москва ; Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. тех. ун-та, 2004. – 304 с.

Tatiana A. Artamonova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Altai State Agrarian University (Barnaul, Russia)
art-katun@mail.ru

“COLLECTIVE CONSCIOUSNESS” AS A FACTOR OF MAINTAINING THE SOCIAL ORDER IN RUSSIAN VILLAGE COMMUNITY

Abstract. The article considers concept “*village community*” (in Russian pronunciation it sounds like “*mir*”) which uses by Russian scholarly literature for naming traditional for a historical Russia's self-governmental rural community that has its own specific cultural, day-to-day, and economic mode of life. Wide sense field of the concept includes semantic set that reflects a Russian peasant's key ideas of perfect moral ideal, the author describes it as “*collective consciousness*”. Russian village community kept the discipline and social order within itself independently through influencing on its members' individual moral attitudes. On the author's opinion, moral principles of village community can be considered as example of collective ethics, where industriousness is recognized as the the core value.

Keywords: *Russian village community (mir), moral principles of Russian peasantry, collective peasant morals, crisis of Russian village community, moral values of Russian village community, industriousness.*